

ДИАЛЕКТИКА ЦЕЛИ И СРЕДСТВ В ЖИЗНИ, ТВОРЧЕСТВЕ И МИРОВОЗЗРЕНИИ И.А. ДЕДКОВА

А.В. Зайцев

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет», Кострома, Россия

Для цитирования: Зайцев А.В. Диалектика цели и средств в жизни, творчестве и мировоззрении И.А. Дедкова // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 3–4. С. 63–72. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.63-72>

Поступила: 15.04.2021

Одобрена: 21.04.2021

Принята: 22.04.2021

■ В статье рассказывается о взглядах И.А. Дедкова на соотношение цели и средств на пути к высокому общественному идеалу. Проведённый анализ отражает гуманистическую онтологию его мировоззрения. Будучи убежденным антисталинистом, сторонником решений XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, И.А. Дедков на протяжении всей своей жизни и творчества в письмах, дневниковых записях, литературно-критической и практической деятельности последовательно осуждал антигуманный принцип «цель оправдывает средства», черпая для этого аргументы из традиций русской классической литературы и русской дореволюционной либерально ориентированной философии, а также из западноевропейского экзистенциализма. В статье раскрывается латентно существовавшая ещё во времена СССР данная гуманистически-мировоззренческая интенция в литературном наследии критика и журналиста И.А. Дедкова. Основными методами, которыми пользовался автор при подготовке данной публикации являются: элементы системного и сравнительного (компаративного) анализов, биографического, дискурсивного и нарративного методов исследования. Главный вывод из проведённого исследования — это раскрытие гуманистической природы мировоззрения И.А. Дедкова, резко отличающейся от аморальной методологии политической целесообразности, пренебрегающей выбором и использованием этически обоснованных и адекватных поставленной цели средств её реализации. Данное положение подкреплено текстологическим анализом целого ряда источников, в том числе повести Ю.В. Трифонова «Нетерпение» из серии «Пламенные революционеры» о революционере-народнике А.И. Желябове. Свои теоретико-мировоззренческие постулаты, основанные на неприятии и отторжении антигуманной и бесчеловечной политической практики, И.А. Дедков последовательно отстаивал в своей литературно-критической и публицистической деятельности, а также в личной жизни, сохраняя преданность социалистическому (коммунистическому) идеалу в его гуманистическом (антропоцентрическом) идеале.

■ **Ключевые слова:** цель; средства; гуманизм; мировоззрение; философия; литература; марксизм; сталинизм; экзистенциализм.

THE DIALECTIC OF PURPOSE AND MEANS IN THE LIFE, WORK, AND WORLDVIEW OF I.A. DEDKOV

A.V. Zaitsev

Kostroma State University, Kostroma, Russia

For citation: Zaitsev AV. The dialectic of purpose and means in the life, work, and worldview of I.A. Dedkov. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2021;(3-4):63–72. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.63-72>

Received: 15.04.2021

Revised: 21.04.2021

Accepted: 22.04.2021

■ The article deals with I.A. Dedkov's views on the ratio of the goal and the means on the way to the high social ideal. The analysis reveals the humanistic ontology of his worldview. I.A. Dedkov was a convinced anti-Stalinist, a supporter of the 20th Communist Party of the Soviet Union Congress decisions. Throughout his life and creative work, in his letters, diary entries, literary-critical and practical activities he consistently denounced the anti-humanist principle “the end justifies the means”, drawing arguments from the traditions of Russian classical literature and Russian prerevolutionary liberal-oriented philosophy, as well as from the Western European existentialism. This article reveals the latent humanistic-minded intension that existed in the Soviet period in the literary heritage of the critic

and journalist I.A. Dedkov. The main methods used by the author in preparing this publication are elements of systematic and comparative (comparative) analysis, biographical, discursive and narrative research methods. The main conclusions from this study are the disclosure of the humanistic nature of I.A. Dedkov's worldview, sharply different from the amoral methodology of political expediency, which neglects the choice and use of ethically justified and adequate to the goal of its implementation. This position is supported by textual analysis of a number of sources, including Yu.V. Trifonov's story "Impatience" from the series "Fiery revolutionaries" about the revolutionary folk activist A.I. Zhelyabov. I.A. Dedkov consistently defended his theoretical and ideological postulates based on rejection and rejection of anti-human and inhumane political practices in his literary and journalistic activities, as well as in his personal life, maintaining his devotion to the socialist (communist) ideal in its humanistic (anthropocentric) ideal.

■ **Keywords:** purpose; means; humanism; worldview; philosophy; literature; Marxism; Stalinism; existentialism.

Проблема соотношения цели и средств восходит к деятельности иезуитов, выработавших собственную систему моральных ценностей, названную ими «приспособительной» (*accomodativa*). Такой подход предоставлял широкие возможности для произвольного истолкования базовых морально-нравственных норм и ценностей христианства. Это теоретическая интерпретация религиозной морали нужна была иезуитам для того, чтобы, в зависимости от обстоятельств, было возможно и морально приемлемо совершать — во имя «высшей цели» — любые преступления. Именно такая инструментализация морали в дальнейшем получила воплощение в приписываемой иезуитам максиме: «цель оправдывает средства».

Дальнейшее развитие данный принцип получил в творчестве Н. Макиавелли. В разработке теории и практики политической деятельности он стоял на утилитарно-прагматических позициях, обеспечивающих извлечение из политического аморализма (разделения сфер политики и морали) наибольшей выгоды и пользы. Следуя принципу «цель оправдывает средства» Н. Макиавелли решительно отстаивал смелость и решительность, уверенность и гибкость, силу и хитрость в достижении желаемого практического результата.

В русском революционном движении второй половины XIX в. последовательным сторонником иезуитского принципа «цель оправдывает средства» был С.Г. Нечаев. Как он писал в печально знаменитом «Катехизисе революционера», для настоящего революционера существует только одна цель «наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганого строя». «Нравственно для него всё, что способствует торжеству революции, — утверждает этот апостол революции. — Безнравственно и преступно всё, что мешает ему» [13, с. 244].

Другой дореволюционный критик и журналист В.А. Зайцев в статье «Новая нравственность» так констатировал появление новой революционной морали: «Как первый проповедник христианской морали, бывшей

при нём тоже новой, провозглашал: „Кто не за нас, тот против нас!“ — так и новая нравственность берет за основание правило: „Благо есть то, что служит революции или вредит старому порядку, зло есть то, что вредит революции или служит старому порядку“» [12]. Схожие с этими взгляды высказывали П.Н. Ткачев [15, с. 95–98] и М.А. Бакунин [9], а затем эти моральные принципы в борьбе с самодержавием были использованы в практике террористической деятельности наиболее радикальными представителями «Народной воли» [22, с. 43].

Несмотря на то что Ф.М. Достоевский в своём глубоко провиденциальном романе «Бесы», а также в ряде других поздних литературных и публицистических произведениях («Идиот», «Дневник писателя») глубоко осмыслил и осудил подобные методы революционной борьбы, на этом функционирование принципа «цель оправдывает средства» в отечественной истории и культуре завершено не было. Своеобразная рецепция доминирования великой и благородной (по своему замыслу) цели над аморальными и бесчеловечными средствами и методами её достижения произошла в большевизме. Причем как в дореволюционный, так и в постреволюционный периоды деятельности Российской социал-демократической рабочей партии – Всесоюзная коммунистическая партия (большевики) – Коммунистическая партия Советского Союза.

Об интересе к теории и практике революционной деятельности С.Г. Нечаева со стороны В.И. Ленина свидетельствуют воспоминания его соратника В.Д. Бонч-Бруевича. По его словам, В.И. Ленин «придавал большое значение Ткачёву», «которого он предлагал всем и каждому читать, изучать» [1, с. 18]. А над страницами прокламаций и статей Нечаева так он и во все подолгу задумывался и заявлял, что якобы вот «какой ловкий трюк проделали реакционеры с Нечаевым, с лёгкой рукой Достоевского и его омерзительного, но гениального романа „Бесы“, когда даже революционная среда стала относиться отрицательно к Нечаеву, совершенно забывая, что этот титан революции

обладал такой силой воли, таким энтузиазмом, что и в Петропавловской крепости, сидя в невероятных условиях, сумел повлиять даже на окружающих его солдат таким образом, что они всецело ему подчинялись» [1, с. 18].

В С.Г. Нечаеве, как утверждал соратник вождя мирового пролетариата, В.И. Ленина, прежде всего, привлекали «талант организатора», умение вести конспиративную работу и облекать свои мысли в «потрясающие формулировки», а также желание полностью уничтожить правящую династию и всякое упоминание о ней во время богослужения в русской православной церкви. «„Нечаев должен быть весь издан. Необходимо изучить, дознаться, что он писал, где он писал, расшифровать все его псевдонимы, собрать воедино и всё напечатать“, — неоднократно говорил Владимир Ильич» [1, с. 18].

Вряд ли такое внимание к политическому аморализму С.Г. Нечаева со стороны В.И. Ленина можно считать случайным. Нечаевщина более чем очевидно, с нашей точки зрения, отразилась в его знаменитой речи на III съезде комсомола, где В.И. Ленин высказался, чуть ли не дословно, как говорили его предшественники-аморалисты, отрицавшие мораль и нравственность в сфере политики: «Мы говорим: нравственность — это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества... Коммунистическая нравственность... служит этой борьбе... против всякой эксплуатации...» [17, с. 311]. В своей знаменитой речи В.И. Ленин подчеркнул, что для него общечеловеческая нравственность, то есть нравственность как бы «взятая вне человеческого общества, не существует; это обман», а коммунистическая, то есть классовая, «нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата» [17, с. 310].

В одном из томов многотомного свода воспоминаний о В.И. Ленине зафиксирована его фраза, сказанная им накануне разгона Учредительного собрания в январе 1918 г.: «Морали в политике нет, а есть только целесообразность» [18, с. 166]. Сущность политической целесообразности состоит в том, что для достижения поставленной цели должны предприниматься любые усилия, способствующие её реализации. В том числе аморальные, с точки зрения общечеловеческой нравственности, но абсолютно допустимые в контексте какой-либо иной, более узкой, системы моральных ценностей. К примеру, с точки зрения революционной морали, классовой, пролетарской или даже криминально-уголовной «нравственности», допускающей (санкционирующей) применение любых средств принуждения по

отношению к своим оппонентам (врагам, противникам).

Такой подход предельно откровенно раскрыт в статье Л.Д. Троцкого «Их мораль и наша» [21, с. 216–217]. Данная работа, призванная доказать отход И.В. Сталина от марксистско-ленинской концепции морали и нравственности, в действительности стала одной из важнейших в контексте дискуссий о соотношении цели и средств в политике, подтвердив доктринальную приверженность и И.В. Сталина, и Л.Д. Троцкого традиционному классовому истолкованию морально-нравственных ценностей. Как совершенно справедливо пишет А.А. Гуссейнов, Л.Д. Троцкий в этом вопросе исходит из базового для марксизма-ленинизма тезиса, что нельзя применять одинаковые моральные категории к действиям революционеров и реакционеров, то есть к «нам» и к «ним». Ведь «нам», в отличие от «них» «дозволено делать то, что категорически запрещено „им“, „мы“ убиваем — хорошо, „они“ убивают — плохо» [2, с. 265]. В результате граница, отделяющая добро от зла, совпадает с линиями, разделяющими социум на противоборствующие классы. Этика сливается с политиком. Морально (и политически) оправданным признаются любые средства, используемых для ускорения общественного прогресса и торжества коммунизма. Огромные человеческие жертвы, понесенные в процессе достижения этого идеала, признаются не только исторически неизбежными, но и морально оправданными движением к великой цели.

Так, например, с точки зрения захвата заложников или совершения террористического акта морально-нравственная оценка этих действий, с позиции коммунистической морали и нравственности, возможна лишь на основе классового критерия. Если это совершают сторонники исторического прогресса и торжества коммунизма — то это благо, если противники прогресса и коммунизма — это зло. Если убивают, расстреливают, терроризируют, репрессируют, ссылают, осуждают, без реальной вины, на многолетние сроки лишения свободы или высылают из страны представителей состоятельных слоёв общества: правящей верхушки, буржуазии, землевладельцев, интеллигенции — это справедливо и морально оправданно. Если жертвами политического режима становятся неимущие слои общества: рабочие, сельские пролетарии, бедняки, революционеры — это преступление против человечности. Первое, по логике В.И. Ленина, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого и их единомышленников, способствует торжеству коммунизма как высшей

цели общественного прогресса. Второе — тор-мозит, мешает, противоречит поступательному движению к научно обоснованному классиками марксизма-ленинизма идеалу.

С такой позицией категорически не был согласен журналист, публицист, литературный и театральный критик Игорь Александрович Дедков (1934–1994).

Ещё во время учебы на факультете журналистики Московского государственного университета им. М. Ломоносова И.А. Дедков живо интересовался современными политическими процессами и философскими проблемами, вопросами марксизма и теории построения социализма и коммунизма, читал доступные ему научные книги, журналы и статьи. Разоблачение преступлений сталинизма в докладе Н.С. Хрущёва на XX съезде партии он глубоко воспринял как личную трагедию и, являясь по своей мировоззренческой ориентации представителем советско-российского гуманизма, всегда отстаивал приоритет выбора средств на пути построения общества социальной справедливости.

Идеи гуманизма проникали в мировоззрение И.А. Дедкова вместе с экзистенциальными идеями русской классической литературы, отечественной философии и западноевропейского экзистенциализма, всё более и более вытесняя прежние сталинские представления о «казарменном коммунизме» как главной цели общественного прогресса и якобы оправданности и закономерности огромных человеческих жертв на пути его достижения.

Этот важнейший для мировоззрения и личной моральной философии И.А. Дедкова гуманистический тренд проявился ещё на студенческой скамье и продолжал функционирование на протяжении всей его жизни и творчества, проявляясь в литературно-критических статьях, мемуарах (дневниках, письмах, личных беседах с окружающими людьми в повседневной жизни). Так, едва закончив обучение на факультете журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова 24-летний молодой человек в одной из своих дневниковых записей летом 1957 г. вполне чётко формулирует своё личное истолкование диалектики цели и средств её достижения [8, с. 12].

При этом И.А. Дедков отталкивается от литературного образа бескомпромиссного, прямолинейного и мужественного борца с бандитизмом В. Малыгина из повести П.Ф. Нилина «Жестокость», который готов, не задумываясь, «жертвовать человеком ради организации» [5, с. 21]. Для него такая позиция глубоко неприемлема. Но это всего лишь лите-

ратурный персонаж. В реальной жизни и сам И.А. Дедков попал в схожую ситуацию, когда его, после весенних студенческих волнений 1957 г. на факультете журналистики, которыми он по сути дела руководил, вызвали для «проработки» на заседание комитета ВЛКСМ МГУ (Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи Московского государственного университета), и где, по словам самого И.А. Дедкова, заместитель секретаря комитета комсомола Г. Попандопуло поставил его, по сути дела, в аналогичную ситуацию: «пожертвовать» собой ради комсомольской организации курса, которую И.А. Дедков в то время возглавлял.

«Несколько лет назад, — пишет в „Дневнике“ Игорь Александрович, — я был близок к таким идеям». Однако такой антигуманный подход к человеку для него впоследствии стал неприемлем. Поэтому, ссылаясь на Д. Неру (пока ещё не на Э. Бернштейна!), он задумывается и размышляет о выборе адекватных «средств, ведущих к миру справедливости». По его мнению, вполне возможно «соглашаться в цели и не соглашаться в методах её достижения» [5, с. 21]. Ведь если быть неразборчивым в выборе средств, то вместо общества «социальной солидарности» «можно построить государственный социализм, социализм армейский, казарменный» [5, с. 21]. В подобном государстве «не будет уважения к рядовым людям» и «они по-прежнему будут марионетками в руках идеи, не собственной идеи, а идеи, господствующей в воздухе» [5, с. 21]. Так, на основе литературных источников и своего личного опыта И.А. Дедков самостоятельно концептуализирует сложнейшую теоретическую проблему морально-нравственной философии и экзистенциально выбора.

И если на раннем этапе жизни и деятельности И.А. Дедков ещё не пользуется берштейновской формулировкой о соотношении цели и средств, то в дальнейшем он её начинает употреблять осознанно, солидаризируясь не с К. Марксом, а его идеологическим противником. «Стократ руганая формула „Движение — всё, конечная цель — ничто“, наверное, справедлива», — откровенно заявляет он в одном из интервью и конкретизирует свою позицию следующими аргументами: «Зачем нам сейчас расчерчивать свое будущее, конструировать и регламентировать то, что впереди? Будущее вырастает из настоящего, поэтому заняться бы всем устройством настоящего» [16, с. 116].

Рецепция экзистенциально-гуманистических идей и представлений очень чётко прослеживается в его литературно-критическом анализе текстов современных ему дорево-

люционных и советских авторов. К примеру, это хорошо видно на основе использования И.А. Дедковым знаменитого пассажа из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» о «слезинке ребёнка». А точнее об утверждении мысли, что когда идея «высшей гармонии» превращается в «ад», то «не стоит она слезинки... замученного ребёнка» [10, с. 223]. Так, к примеру, «о слезинке ребёнка», с прямой ссылкой на Ивана Карамазова, И.А. Дедков упоминает в дневниковой записи от 23 июля 1968 г. (во время ввода советских войск на территорию Чехословакии), где им приводится цитата из В. Белинского по книге «Толстой и Ницше» русского предтечи западного экзистенциализма Л. Шестова: «Я не хочу счастья даром, если не буду спокоен на счёт каждого из моих братьев по крови» [5, с. 107]. В связи с этим стоит обратить внимание на следующее утверждение одного из российских исследователей отечественной версии западного экзистенциализма. «Источниками русского литературного экзистенциализма послужили в первую очередь Достоевский и Толстой (в особенности в истолковании Льва Шестова), а также непосредственно сама философия Шестова, Ницше, в определённой степени В.В. Розанов и, с определёнными оговорками, Н.А. Бердяев» [14, с. 131]. С трудами всех этих авторов был очень хорошо знаком И.А. Дедков.

Подразумеваемая бесценность и уникальности жизни жертв сталинского режима, загубленных по имя великой цели построения социализма и коммунизма, И.А. Дедков так писал в «Дневнике» с позиций своего личного выстраданного экзистенциализма: «Как нам представить себе и понять отчаяние и муку тех, кто не дожил, кто так навсегда и остался в тех великих временах со своей единственной, бесцеремонно оборванной жизнью. И ещё — ...те неискупимые слёзы, которые никогда не будут забыты... Достоевский знал, что те слезинки не искупимы, он откуда-то знал эту боль, перед которой вся значительность, все претензии, всё возвышение человеческого, всё самовосхваление власти и преобразователей русской жизни — ничего не значат» [5, с. 227]. Такая гуманистическая интенция — как творческий метод познания и осмысления исторического прошлого и настоящего — проявлялась не только в интимных дневниковых записях, но и исследованиях и литературно-критических статьях И.А. Дедкова. Кстати, схожую мировоззренческую позицию в вопросе о диалектике средств и цели занимал Ж.-П. Сартр, осуждавший аморализм в политике Л.Д. Троцкого [19].

В предисловии книги В.О. Богомолова «Эта незабываемая далекая война» И.А. Дедков в очередной раз использует полюбившееся ему словосочетание из романа Ф.М. Достоевского о «слезинке ребёнка» (то есть о страдании невинного человека, особенно ребёнка, ради достижения каких-либо «высоких» трансцендентальных целей) в анализе повести этого автора под названием «Иван». Иван Буслов — это двенадцатилетний мальчик, которому на войне приходится рисковать своей жизнью наравне со взрослыми офицерами и солдатами. «Повесть построена так, — пишет литературный критик, — что мы видим Ивана глазами молодого старшего лейтенанта Гальцева. Это добрые и внимательные глаза. Им хорошо открыто главное: трагическая судьба детской жизни в дни войны. Когда-то Ф.М. Достоевский писал о неискупимых слезинках ребёнка. В истории Ивана Буслова нет слёз, но страдания его тоже из неискупимых» [9].

В другой работе, посвящённой исследованию военной прозы всё того же В.О. Богомолова, И.А. Дедков вновь использует базовый для его мировоззренческой позиции концепт о «неискупимой слезинке ребёнка». По мнению литературного критика, этот писатель, как он пишет в статье «Момент истины (Владимир Богомолов)», «кажется, постоянно помнит о ничем не искупаемой слезинке ребёнка» [17]. И далее: «Именно дети посреди войны, ставшей для миллионов работой, бытом, самой жизнью (другой может и не быть), вдруг напоминают о масштабах развернувшейся, разведшейся трагедии, об истинных, но погранных ценностях человеческого существования» [4, с. 222].

В романе «В августе сорок четвертого» уже на первых страницах В.О. Богомолов выводит образ «мальчонки примерно двух с половиной лет, беловолосого, в стирано-перестиранной рубашонке», из которой «выглядывала необычайно маленькая багровая культия». И отнюдь не сентиментальный выдавший виды разведчик Алёхин, насмотревшийся на войне на многие её ужасы, буквально обомлел «при виде этого крошечного калеки, с такой подкупающей улыбкой смотревшего ему в глаза» [4, с. 221]. Мысль об этом конкретном физически изуродованном войной мальчишке, а также о всех других «страдающих, ни в чём не повинных детях, попавших в непонятную и странную „передрыгу“, живёт в героях В. Богомолова неотступно, — пишет И.А. Дедков. — Их работа, их профессионализм оказываются, прежде всего, средством для возмездия и возвращения всем нормальной естественной жизни» [4, с. 223].

И.А. Дедков, можно сказать, буквально насквозь пропитан гуманистическими идеями Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и других русских дореволюционных писателей и философов предэкзистенциальной направленности. «Правители, которых можно желать, — пишет в своём „Дневнике“ И.А. Дедков, — должны были бы согласовывать свои нравственные, этические принципы (рекомендуемые народу) с принципами и идеалами русской классической литературы, потому что в ней более чем в чём-то ином, выразилась национальная философия, национальный идеал или, лучше сказать, истина русской жизни. Иначе образуется (образовался) разрыв между тем и другим, и первое не выдерживает сопоставления... Избежать его можно, лишь запретив русскую классическую литературу, что невозможно» [5, с. 121].

Гуманизм И.А. Дедкова связан не только с ценностями русской классической литературы и русской философии, но и с философскими традициями, идущими от антропоцентризма софистов («человек есть мера всех вещей»), от гуманизма И. Канта [«человек (личность) — цель сама по себе»], а также от философов-экзистенциалистов («экзистенциализм — это гуманизм»). Это вполне определённо вытекает хотя бы из следующей аксиологически заряженной фразы, вкрапленной И.А. Дедковым в строки его литературной статьи «О живой невыдуманной России»: «Истинное значение всего, что слывет ценным, единственно необходимым, „универсальным“, проверяется через человека: от человека ведётся всему счёт... Человеком, его бывшими и несбывшимися возможностями, его судьбой всё измеряется...» [6, с. 24].

В литературном творчестве Ю.В. Трифонова критика более всего привлекала его историческая повесть «Нетерпение», посвящённая пламенному революционеру-народовольцу А.И. Желябову, который как бы сознательно подгоняет плавный и неспешный ход истории, ускоряя её и направляя, в меру своих сил и возможностей, к заветной цели: построению свободного гуманного общества без эксплуатации и угнетения. Для этого он не гнушался никакими средствами, в том числе политическими убийствами.

В статье под названием «Вечерний раскоп, или в поисках утраченного» И.А. Дедков латентно проводит едва уловимые параллели с печально завершившимся сталинским экспериментом форсированного скачка в светлое коммунистическое будущее, с одной стороны, и «нетерпением» народовольцев, с другой, с их террористическими актами, максимализмом

и «подстегиванием истории» в надежде, что достижение великой цели оправдывает человеческие жертвы, понесённые для её торжества [7].

Данная статья в авторской редакции была опубликована в 1988 г. в сборнике статей «Обновлённое зрение: из шестидесятых в восьмидесятые» И.А. Дедкова, куда вошли ранее, по тем или иным причинам, либо вовсе не публиковавшиеся его статьи, либо увидевшие свет, но со значительными сокращениями и изменениями. Хотя эта работа была написана ещё в 1979 г., а затем направлена в журнал «Вопросы литературы». Судьбу статьи И.А. Дедков обсуждал по телефону сначала с заместителем главного редактора Л.И. Лазаревым, а затем и лично с главным редактором и его заместителем [11]. Однако эта публикация в данном издании так и не вышла в свет. В связи с этим 6 октября 1979 г. Игорь Александрович с горечью записал в «Дневнике»: «Девятая книжка „Вопросов литературы“ оказалась без моей статьи о Ю. Трифонове» [5, с. 264]. И далее: «Очень жаль мне этой статьи. Когда писал её, отодвинул всё прочее... было интересно, и кое-что удалось сказать, сказать по-своему и вообще сказать...» [5, с. 264]. Ещё ранее её автор признался себе самому, что всерьёз опасался за судьбу этой статьи, потому что она у него получилась «открытой обычного, то есть незащищена» [5, с. 242].

Дело в том, что И.А. Дедков, привыкший проводить свои альтернативные убеждения и политические взгляды в косвенной, индиректной форме, чуть ли не с помощью «эзопова языка», был настроен реалистично и вполне ожидал такого исхода, из-за опасений, что внутренняя редакционная цензура может заметить едва скрытые им параллели между «нетерпением» народовольцев и нетерпеливостью «подстёгивателей» форсированного строительства коммунизма в одной отдельно взятой стране. Так и вышло: «Настроение моё, — признаётся критик, — ход мыслей, литературные стражники всё-таки уловили» [5, с. 264].

В конце 1982 г. И.А. Дедков попытался опубликовать свою «старую работу о Трифонове» в журнале «Октябрь». Однако и этой публикации не было суждено состояться [5, с. 357, 702]. И лишь в 1985 г. статья в несколько иной редакции и в сокращённом варианте была напечатана в журнале «Новый мир» под названием «Вертикали» Юрия Трифонова» [3]. В связи с этой публикацией в «Дневнике» И.А. Дедкова 28 апреля 1985 г. говорится о сделанном им сокращении статьи о Трифонове для «Нового мира», выполненном

по рекомендации издания. При этом все данные ему в редакции журнала «пожелания» по корректровке текста «носили исключительно идеологический характер» [5, с. 449].

Спустя год, в несколько расширенном варианте, всё эта же работа вошла в состав сборника литературно-критических статей И.А. Дедкова «Живое лицо времени: очерки прозы шестидесятых-семидесятых» [6]. И уже потом, ещё спустя два года — в самый разгар перестройки — она вышла в окончательном (а может быть, изначально) неподцензурном варианте, в уже упомянутой нами книге «Из шестидесятых в восьмидесятые» под другим, уже упоминавшимся нами названием: «Вечерний раскоп, или в поисках утраченного» (правда, в конце текста дату её написания автор почему-то обозначил 1984, а не 1979 годом) [7]. «Раскоп», по мысли автора, это углубление, попытка проникнуть в суть, понять то, что не видно или не заметно на поверхности, то, что скрыто в то время даже от очень внимательного и образованного читателя идеологическими наслоениями, штампами и клише советской пропаганды.

Несомненно, что в этой статье, в целом посвящённой обзорному творчеству Ю.В. Трифонова, образу пламенного борца с самодержавием — А.И. Желябову — И.А. Дедков отводил особо важную роль в контексте своей литературно-критической деятельности. По мнению литературного критика, автор исторически-документальной повести «Нетерпение» был глубоко убежден, что его герои исходят в своих практических действиях из собственной аксиомы, что «человек рождён участвовать в истории, в определении настоящего и будущего своей страны, рождён сознательным „делателем“ истории, а не её послушным податливым материалом» [7, с. 126]. Однако «историческая необходимость вызывает и реализуется медленно» [7, с. 126]. А на практические попытки со стороны народовольцев (а если шире — как это и хотел, но в то время не мог сказать И.А. Дедков — всех революционеров вообще, включая соратников В.И. Ленина) ускорить ход истории — «затрагивается уйма сил, талантов, жизней». То есть достижение желаемой для ускорителей истории цели обходится обществу слишком дорогой ценой.

Такой подход к обращению с историей и человеческими судьбами не совместим с гуманистической природой мировоззрения И.А. Дедкова. В своём творчестве и жизненной позиции литературный критик достаточно чётко разводил народовольцев, жертвовавших собой, и тех, кто, как И.В. Сталин и его окружение, жертвовали другими, то есть людьми,

превращая их в подсобное средство для избранной ими великой цели. «Жертвовать можно собой, — писал в марте 1979 г. при работе над рукописью вышеуказанной статьи И.А. Дедков, — но не другими. Начни жертвовать другими — во имя революции, справедливости, искусства, осуществления таланта, — кончится это чем-нибудь отвратительным» [5, с. 242].

В одном из своих последних интервью (1990) И.А. Дедков выразил эту же мысль ещё более ясно, предельно чётко и открыто: «Герои Трифонова, „первомартовцы“, отличались от так называемых „революционеров“ послереволюционного времени тем, что жертвовали, прежде всего, собой, а те — великим множеством других» [16]. В это время ему уже можно было не опасаться вмешательства со стороны внешней цензуры или «литературных стражников» внутри самих средств массовой информации. И, не скрываясь за полупафосами и недоговоренностями, выражать свою личную мировоззренческую позицию и гуманистические идеалы вполне свободно, открыто и честно.

Оставаясь глубоким гуманистом, И.А. Дедков то и дело в своих мыслях возвращается к неискупимым жертвам революции и сталинского террора, к «бесцеремонно» (выражение И.А. Дедкова) загубленным ради так и не достигнутой великой цели: «как представить себе судьбы семей, жён, матерей, братьев и сестер, но более всего — детей! — вот где знание, — пишет Игорь Александрович в далеком 1978 г. в своём «Дневнике», — вот где самое страшное, вот где те неискупимые слёзы, которые никогда не будут забыты...» «Достоевский знал, что те слезинки неискупимы, он откуда-то знал эту боль, перед которой вся значительность, все надутые претензии, всё возвышение человеческое, всё самовосхваление власти и преобразователей русской жизни — ничего не значат» [5, с. 227].

Философско-этическая сторона мировоззрения И.А. Дедкова [11, с. 19–21] почти целиком совпадает с нравственно-мировоззренческой программой Ф.М. Достоевского, провозгласившего самоценность человеческого существования и не допустимость использования личности как средства достижения самого гармоничного и совершенного в своём идеале общества. В свою очередь, Ю.В. Трифонов, создавая повесть «Нетерпение», в литературно-художественной форме продемонстрировал, как «историческое нетерпение», сопряжённое со стремлением во что бы то ни стало осчастливить народ, «ведёт к одному из вариантов воплощения идеи великого

инквизитора, в основе которой лежит неприемлемое противоречие между гуманной целью и антигуманными средствами её достижения» [20, с. 319]. И.А. Дедков в контексте анализа творчества Ю.В. Трифонова продемонстрировал (в неявной, скрытой, подцензурной форме) родственность методологии действия героев и антигероев этого писателя с теорией и практикой большевизма, не гнушавшегося иезуитского принципа «цель оправдывает средства». Что было органически неприемлемо для гуманистического миропонимания И.А. Дедкова.

Таким образом, гуманистический подход к диалектике цели и средств общественного развития выступает как главная доминанта мировоззрения И.А. Дедкова. Такая жизненная позиция составляет неизменную константу его мирозерцания. И когда на смену одним идеологемам или социально-философским представлениям приходили другие, гуманизм не вытеснялся из лона мироощущений критика, а оставался и сохранялся в его первоизданном виде. Так было в мировоззрении и «раннего», и «зрелого», и даже «позднего» И.А. Дедкова, пережившего незадолго до своей смерти в 1994 г. очередной крах надежд, а по сути дела, иллюзий, на возможность развития реального хода истории в её гуманистическом векторе и антропоцентрическом измерении.

И.А. Дедков с энтузиазмом встретил горбачёвскую перестройку и, отработав более тридцати лет в костромской провинции, в 1987 г. переехал в Москву. Здесь он сначала занял должность политического обозревателя журнала «Коммунист» (впоследствии переименованного в «Свободную мысль»), а затем стал заместителем плавного редактора этого издания. Однако события августа 1991 г., а затем осени 1993 г., с последующим запретом Коммунистической партии и радикальными экономическими реформами, вызвали у него всё более усиливавшееся неприятие. На практике оказалось, как впоследствии констатировал сам И.А. Дедков, что долгожданная «свобода более всего оказалась нужна для „целей“ не высоких, а низких» [5, с. 578]. Эта долгожданная свобода, которую так искренне продвигал в своей творческой деятельности И.А. Дедков, по его же собственному признанию, «оказалась двуликим Янусом: она повернулась блудливой мордой к большинству народа» [5, с. 591].

«Теперь же мы оказались там же, где и были, — замечает осенью 1993 г. Игорь Александрович. — То есть вроде бы совсем не там, не в царстве коммунистического рабства,

а в стране буржуазной свободы, но, в сущности, там же» [5, с. 578]. Впрочем, данное обстоятельство ничуть не девальвирует в мировоззрении критика самоценности человеческой личности, гуманизма, справедливости, не сведения сущности человека к простому средству для достижения великих исторических свершений и идеалов. Гуманистическая диалектика И.А. Дедкова проистекает из самоочевидного для него тезиса, что благая цель может быть достигнута только благими методами. Использование аморальных средств для реализации даже самой высокой и благородной цели неизбежно трансформирует в её полную — отнюдь не диалектическую — противоположность. Это теоретическое положение, подтверждённое исторической практикой, было для И.А. Дедкова абсолютной истиной, мучительно выстраданной и осмысленной в процессе его личной жизни и творческой деятельности.

Список литературы

1. Бонч-Бруевич В. Ленин о художественной литературе // 30 дней. 1934. № 1. С. 15–19.
2. Гусейнов А.А. Этика Троцкого // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения 1991. М.: Республика, 1992. С. 264–285.
3. Дедков И.А. «Вертикали» Юрия Трифонова // Новый мир. 1985. № 8. С. 220–235.
4. Дедков И.А. Возвращение к себе. Литературно-критические статьи. М.: Современник, 1978. С. 210–225.
5. Дедков И.А. Дневник, 1953–1994 / сост. Т.Ф. Дедкова. М.: Прогресс-Плеяда, 2005.
6. Дедков И.А. Живое лицо времени: Очерки прозы семидесятых-восьмидесятых. М.: Советский писатель, 1986. 389 с.
7. Дедков И.А. Обновлённое зрение: из шестидесятых в восьмидесятые: сб. статей. М.: Искусство, 1988. С. 119–160.
8. Дедков И.А. Сентябрь пятьдесят седьмого (публикация А.В. Зайцева) // Кострома. Genus Loci: альманах / отв. ред. А.В. Зайцев. Кострома, 2020. Вып. 3. С. 11–15.
9. Дедков И. Эта незабытая далекая война (Предисловие) [Электронный ресурс]. В.О. Богомолов. Иван, Зося. Повести. М.: Детская литература, 2001. С. 5–8. Режим доступа: <https://myrt.ru/read/81735-eta-nezabytaya-dalekaya-voyna-predislovie.html>. Дата обращения: 30.01.2021.
10. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Ф.М. Достоевский. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. XIV. Л.: Наука, 1976.
11. Зайцев А.В. К вопросу об источниках гуманистического мировоззрения Игоря Дедкова // Кострома. Genus Loci: альманах / сост. и отв. ред. А. В. Зайцев. Кострома, 2020. Вып. 3. С. 16–31.

12. Зайцев В.А. Новая нравственность [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/z/zajcew_w_a/text_1882_novaya_nravstvennost.shtml/. Дата обращения: 20.02.2021.
13. Катехизис революционера // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под ред. Е.Л. Рудницкой. М.: Археографический центр, 1997. С. 244–248.
14. Кибальник С.А. Экзистенциализм в русской литературе и мысли // Литературоведческий журнал. 2005. № 19. С. 131–139.
15. Козьми Б.П. П.Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М.: Новый мир, 1922.
16. «Куплен» в 1956-м: беседа с критиком И. Дедковым // Игорь Дедков: наше живое время. Книга воспоминаний, статей и интервью. М., 2013. С. 118–116.
17. Ленин В.И. Задачи союзов молодёжи: Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 41. Май – ноябрь 1920. М.: Политиздат, 1974. С. 298–318.
18. Мстиславский Д.С. Записи о Ленине // Воспоминания о В.И. Ленине в 10 т. Т. 5. М.: Политиздат. 1990. С. 161–168.
19. Сартр Ж.-П. Проблема цели и средства в политике (Из «Тетрадей по морали») // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. 1991 / под общ. ред. А.А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 251–263.
20. Сухих О.С. От великого инквизитора к «народной воле» (переосмысление философской проблематики произведений Ф.М. Достоевского в романе Ю.В. Трифонова «Нетерпение») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 3–1. С. 314–320.
21. Троцкий Л.Д. Их мораль и наша (Памяти Льва Седова) // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения 1991 / под общ. ред. А.А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 212–263.
22. Шашкова А.Ю. Революция и террор: к вопросу об отношении революционных народников 60–70-х гг. XIX в. к террору как методу деятельности революционной партии // Известия Алтайского государственного университета. 1998. № 3 (7). С. 38–43.
5. Dedkov IA. Dnevnik. 1953–1994. Sost. T.F. Dedkovi. Moscow: Progress-Pleyada; 2005. (In Russ.)
6. Dedkov IA. Zhivoe lico vremeni: Ocherki prozy semidesyatyh-vos'midesyatyh. Moscow: Sovetskij Pisatel'; 1986. 389 p. (In Russ.)
7. Dedkov IA. Obnovlennoe zrenie: iz shestidesyatyh v vos'midesyatyh. Moscow: Iskusstvo; 1988. P. 119–160. (In Russ.)
8. Dedkov IA. September fifty-seven. (Publication A.V. Zaitsev). In: Kostroma. Genus Loci: al'manah. Ed. by A.V. Zajcev. Kostroma; 2020;(3):11–15. (In Russ.)
9. Dedkov I. Eta nezabytaya dalekaya vojna (Predislovie) [Internet] V.O. Bogomolov. Ivan, Zosya. Povesti. Moscow: Detskaya literatura; 2001. P. 5–8. (In Russ.). Available from: <https://myrt.ru/read/81735-eta-nezabytaya-dalekaya-voyna-predislovie.html>. Accessed: 30.01.2021.
10. Dostoevskij FM. Brat'ya Karamazovy. In: F.M. Dostoevskij Poln. sobr. soch.: v 30 t. Vol. XIV. Leningrad: Nauka; 1976. (In Russ.)
11. Zajcev AV. K voprosu ob istochnikah gumanisticheskogo mirovozzreniya Igorya Dedkova. In: Kostroma. Genus Loci: al'manah. Ed by A.V. Zajcev. Kostroma; 2020;(3):16–31. (In Russ.)
12. Zajcev VA. Novaya nravstvennost' [Internet]. (In Russ.) Available from: http://az.lib.ru/z/zajcew_w_a/text_1882_novaya_nravstvennost.shtml/. Accessed: 20.02.2021.
13. Katekhizis revolyucionera. In: Revolyucionnyj radikalizm v Rossii: vek devyatnadcaty. Dokumental'naya publikaciya. Ed. by E.L. Rudnickaya. Moscow: Arheograficheskij centr; 1997. P. 244–248. (In Russ.)
14. Kibal'nik SA. Existentialism in Russian literature and thought. *Literaturovedcheskij zhurnal*. 2005;(19):131–139. (In Russ.)
15. Koz'mi BP. P.N. Tkachev i revolyucionnoe dvizhenie 1860-h godov. Moscow: Novyj mir; 1922. (In Russ.)
16. "Kuplen" v 1956-m. Beseda s kritikom I. Dedkovym. In: Igor' Dedkov: nashe zhivoe vremya. Kniga vospominanij, statej i interv'yu. Moscow; 2013. P. 118–116. (In Russ.)
17. Lenin VI. Zadachi soyuzov molodyozhi: Rech' na III Vserossijskom s'ezde Rossijskogo kommunisticheskogo soyuza molodezhi. In: Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. Vol. 41. Maj - noyabr' 1920. Moscow: Politizdat; 1974. P. 298–318. (In Russ.)
18. Mstislavskij DS. Zapisi o Lenine. In: Vospominaniya o V.I. Lenine v 10 t. Moscow: Politizdat; 1990. Vol. 5. P. 161–168. (In Russ.)
19. Sartr ZH-P. Problema celi i sredstva v politike (Iz "Tetradaj po morali"). In: Eticheskaya mysl': Nauch.-publisticheskie chteniya 1991. Ed. by A.A. Gusejnova. Moscow: Respublika; 1992. P. 251–263. (In Russ.)
20. Sukhikh OS. From the great inquisitor to the will of the people (rethinking the philosophical problems of Dostoevsky's works in Yu.V. Trifonov's novel "Impatience"). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2011;3(1):314–320. (In Russ.)

References

1. Bonch-Bruevich V. Lenin on fiction. *30 dnei*. 1934;(1):15–19. (In Russ.)
2. Gusejnov AA. Etika Trockogo. In: Eticheskaya mysl': Nauchno-publitsisticheskie chteniya 1991. Moscow: Respublika; 1992. P. 264–285. (In Russ.)
3. Dedkov IA. "Vertikali" Yuriya Trifonova. *Novyj mir*. 1985;(8):220–235. (In Russ.)
4. Dedkov IA. Vozvrashchenie k sebe. Literaturno-kriticheskie stat'i. Moscow: Sovremennik; 1978. P. 210–225. (In Russ.)

21. Trockij LD. Ih moral' i nasha (Pamyati L'va Sedova). In: Eticheskaya mysl': Nauchno-publicisticheskie chteniya 1991. Ed. by A.A. Gusejnova. Moscow: Respublika; 1992. P. 212–263. (In Russ.)
22. Shashkova AYu. Revolution and terror: on question about the attitude to the terror of revolutionary populists of the 60-70th years of the XIXth century. *Izvestiya of Altai State University*. 1998;(3(7)):38–43. (In Russ.)

▪ Информация об авторе

Александр Владимирович Зайцев — доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций. ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»; директор Межрегионального научно-просветительского центра им. И.А. Дедкова, Кострома, Россия.
E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru

▪ Information about the author

Aleksandr V. Zaitsev — Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Social Communications. Kostroma State University; Director of the Interregional Scientific and Educational Center named after I.A. Dedkov, Kostroma, Russia.
E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru